

ШЛЯХОВ В.И.

АГАФОНОВА К.Е.

ОТ МЕТАФОРЫ ДО ФЕЙКОВ

Словесное
воздействие
на эмоции,
знания
и поведение
людей

Владимир Шляхов

**От метафоры до фейков:
Словесное воздействие на эмоции,
знания и поведение людей**

«Автор»

2023

Шляхов В. И.

От метафоры до фейков: Словесное воздействие на эмоции, знания и поведение людей / В. И. Шляхов — «Автор», 2023

В книге анализируются политические приемы словесного воздействия, а также метасмысл, то есть всё то, что не сказано прямо, а подразумевается в словах. Метасмысл содержится в метафорах, иронии, намеках, мемах, приемах постправды. Люди попадают под влияние красивых и тщательно выверенных слов, метасмысл преодолевает логические преграды и проникает в языковое подсознание человека. Авторы на конкретных примерах показывают механизмы работы инструментов манипуляции массовым сознанием.

© Шляхов В. И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Глава 1. Языкознание о создании понятных устных и письменных текстов	8
Глава 2. Широкоформатные речевые средства воздействия в политическом дискурсе	14
Метафоры как средство речевого воздействия на массовую аудиторию	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Шляхов, Кристина Агафонова

От метафоры до фейков: Словесное воздействие на эмоции, знания и поведение людей

Введение

Известное неизвестно многим.

Цицерон

Эта книга написана для того, чтобы научные лингвистические сведения о словесном воздействии на мнение и знание людей о происходящих политических событиях стали известны широкому кругу читателей. В этой книге читатель найдёт ответ на вопросы, как и почему блогеры, журналисты, политические деятели используют не только прямые средства речевого воздействия на аудиторию, но и скрытые словесные технологии влияния на знания, поступки и эмоции массы людей.

Сознательно или интуитивно политтехнологи опираются на известные особенности языкового сознания. Дело в том, что примерно до 40 % информации, которая сообщается в политдискурсе и в повседневном речевом общении, не выражена словесно, а подразумевается. В речевом общении обнаруживаются не только «светлые», ясно выраженные смыслы, но также «тёмные», непрозрачные стороны коммуникации. Скрытые смыслы, укрывающиеся в глубинных структурах метафор, иносказаний, идиом, иронии, носят название «метасмысл». Более того, скрытые смыслы нередко сопровождаются приёмами словесного воздействия – это могут быть мемы, фейки, чёрный пиар, постправда[1]. Обертоны смысла непросто опознать и понять, так как для этого требуются дополнительные сложные умственные действия.

Так, фейки, представляющие собой ложные, недостоверные факты, широко используются потому, что после многократного повторения журналистами и политиками они набирают вес, превращаясь в постправду. Термином «постправда» обозначается намеренно созданный искажённый образ мира, формируется общественное мнение. В современных политических устных и письменных текстах наблюдается целевой перекося, их авторы стремятся не столько отражать и анализировать политическую реальность, сколько выстраивать в сознании больших масс людей систему желательных взглядов на происходящие события. Вспомним в этой связи роман-антиутопию Дж. Оруэлла «1984», где грани правды и лжи стираются, о чем гласят лозунги правящей партии «Война – это мир», «Свобода есть рабство» «Незнание – сила»[2]. Можно вспомнить также шутку об искажении реальности в двух центральных газетах СССР – что в «Правде» нет правды, а в «Известиях» – известий, то есть правдивых новостных сообщений.

Избитый фейк о «руке Москвы» и о влиянии России на политическую жизнь США возродился в речах Н. Пелоси, спикера Палаты представителей США, после штурма сторонниками Д. Трампа здания Конгресса США, произошедшего 6 января 2021 года. Н. Пелоси заявила, что Д. Трамп является инструментом в руках российского президента В. Путина. «Этот президент – инструмент Путина. Целью Путина было приуменьшить роль, репутацию демократии в мире. Вот чем он занимается... Президент сделал вчера наибольший из многих его подарков Путину», – отметила Н. Пелоси[3]. В эту извращённую информацию включена метафора «инструмент». В данном контексте это слово ассоциируется с метафорой «марио-

нетка». Подразумевается, что президент США действует по указке из Кремля. В добавление Н. Пелоси говорит о подарке В. Путину. Она уверена, что все в России, в том числе и президент, будут рады этим трагическим событиям. Эти фейки положены в основу требования Н. Пелоси отстранить президента США от должности и начать процесс импичмента. В книге обсуждаются приёмы создания текстов, цель которых – прямо или скрытно влиять на сознание и поведение людей. Прежде чем начать анализировать тексты, оснащенные стратегией доминирования, которая главенствует в речах политиков, необходимо кратко изложить современные взгляды учёных на то, как создаются тексты, понятные другим людям, и ответить на вопрос, как влияет метасмысл на понимание письменных и устных текстов.

Напомним, что всё то, что не сказано прямо, а скрывается в глубинных структурах метафор, фейков, иронии, постправды, нередко воспринимается людьми как само собой разумеющееся. Для этой доверчивости существуют свои причины. Назовем некоторые из них. Во-первых, люди подготовлены с детства верить на слово родителям и знакомым, которые «учили их жить». Во-вторых, дети часто улавливают общий смысл слов самостоятельно, без объяснений взрослых. Об этой особенности усвоения языка в детстве К. Д. Ушинский (1824–1870) писал: «Усваивая родной язык, ребёнок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка – и усваивает легко и скоро, в два-три года, столько, что и половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения»[4].

По нашему мнению, не последнюю роль в формировании доверчивости к словам сыграли поговорки и пословицы, которые дети слышат постоянно в разговорах взрослых и усваивают их интуитивно. Кстати сказать, в пословицах скрыты поучения, которые понятны всем с детства и не вызывают сомнения, но, если попросить детей объяснить, для чего они созданы и что имеется в виду, они испытывают трудности. Например, с детства всем знакомы пословицы «береги платье снову, а честь смолоду»; «семь раз отмерь, а один раз отрежь»; «волка ноги кормят»; «пришла беда, отворяй ворота»; «семеро одного не ждут». В последней пословице можно усмотреть мудрость о праве большинства доминировать над меньшинством, а не наоборот. В зрелом возрасте приходит осознание мудрости пословицы «доверяй, но проверяй».

Об этом интуитивном пути усвоения родного языка К. Д. Ушинский говорил, что «если ребёнок употребляет кстати тот или другой грамматический оборот, делает в разговоре тонкое различие между словами и грамматическими формами – это значит, что он сознает их различие, хотя не в той форме и не тем путём, как бы нам хотелось»[5]. Загадочная сентенция о том, что ребёнок усваивает язык «не тем путём, как бы нам хотелось», для современной лингвистики понятна: К. Д. Ушинский, видимо, думал об интуитивном, бессознательном усвоении не только грамматики родного языка в детстве, но прагматики, то есть правил уместного использования слов, понятных другим людям.

Психические и поведенческие процессы в деятельности человека можно условно разделить на две группы. К первой категории относятся психические процессы, которые мы осознаем и можем контролировать. Подсознательные психические процессы, которые не контролируются сознанием, относятся ко второй группе. Подсознание невидимо управляет не только всей физиологией в нашем организме, оно также влияет на протекание психических процессов, например эмоций. В языковом подсознании «защиты» программы, в которых помещены правила овеществления мыслей, причём эти установления управляют регистрами речи, они определяют линию речевого поведения с разными людьми. В долговременной памяти содержатся не исследованные до конца матрицы применения языка с целью воздействия на поведение, знания и эмоции собеседников. В подсознании, наконец, также находятся не изученные до

конца правила упорядочивания мыслей для создания устных и письменных текстов, понятных участникам речевого общения.

В этой книге будут использованы результаты исследований в современном языкознании для того, чтобы обсудить явные и скрытые речевые средства воздействия на эмоции, знания и поведение людей, широко применяемые в политической борьбе.

В современной лингвистике разработана методика опознавания и понимания метасмысла, всего того, что не высказано прямо, а подразумевается. Эти приёмы анализа текстов могут с успехом использоваться читателями, которые интересуются проблемами словесного воздействия в повседневном и политическом противостоянии.

Глава 1. Языкознание о создании понятных устных и письменных текстов

Нет ничего практичнее хорошей теории.

Г. Кирхгоф

Считаем необходимым кратко изложить лингвистические теории, в которых содержатся ответы на вопросы, без которых трудно, если вообще возможно, говорить о том, как создаются прозрачные, понятные для других людей письменные и устные тексты. Удивительно современно звучат слова В. фон Гумбольдта о том, что в языке отражается мышление человека, его культурная и духовная жизнь. Он писал, что «среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны»[6].

Поясним, что в этой книге внимание авторов в основном будет обращено на ту особенность языка, которая позволяет политикам, журналистам, блогерам скрывать истинные цели речевого воздействия и прятать мысли и чувства во внутренней форме слов.

Психолингвистика о глубинных процессах порождения устной и письменной речи

Более 200 лет прошло с тех пор, когда поэты и философы начали писать о языке как о зеркале народа и его разума. Ф. Шиллеру принадлежат слова о том, что язык является зеркалом нации; когда люди смотрят в это зеркало, то перед ними открывается великая картина самих себя.

Однако, признавая, что в языке отражается мысль и душа человека, лингвисты до середины XX века изучали главным образом строение предложения, грамматику, части речи, ударение, интонацию, словообразование и т. п. В XX веке в академических грамматиках русского языка не обсуждались глубинные умственные процессы порождения отдельных предложений и сложных текстов.

В конце прошлого века в языкознании произошло поворотное событие, которое получило название когнитивная революция, в психолингвистике исследования сосредоточились на производстве и восприятии речевых текстов. Известный психолингвист Е. Ф. Тарасов пишет, что для когнитивной, глубинной лингвистики «характерно стремление избавиться от своеобразного лингвистического редукционизма, когда объект исследования ограничивается, редуцируется до речевых текстов, изолированных от условий их производства и восприятия, от общения в человеческой деятельности, в которой и ради целей которой они были продуцированы»[7].

Сознательно изучать правила создания и понимания текстов, – труднодостижимая цель. Дело в том, что, в отличие от естественных наук, в языкознании не существуют и не могут быть созданы инструменты наблюдения, демонстрирующие превращения нейронных импульсов в слова. Эти приборы не могут показать немыслимо сложную нейронную сеть в мозгу человека, в которой мерцают многоцветные импульсы. Достаточно сказать, что в разных комбинациях задействованы 86 миллиардов нейронов и 100 триллионов их связей, обеспечивающие сознательные и бессознательные процессы жизнедеятельности человека.

Если нельзя наблюдать превращение мысли в слово воочию, то можно увидеть, пусть не полностью, отражение языкового сознания и подсознания в письменных и устных текстах и, в частности, уяснить, как происходит понимание скрытых смыслов в речи. Оказывается,

что примерно 40 % информации упрятано в глубинных тканях текста, в структурах метафор, иронии, уклонений, постправды, мемов и пр.

Напомним, что основная задача этой книги в том, чтобы показать, как осознаются непрозрачные, «тёмные» стороны политических текстов, созданных для мягкого или жёсткого воздействия на целевую аудиторию.

О создании текстов, понятных другим людям

Зададим вопросы, которые находятся в центре внимания лингвистов, философов, политологов и психолингвистов. Существуют ли правила превращения мысли в слова? Как эти слова влияют на эмоции, поведение и информативное поле языкового сознания? Как их обнаруживать в языковом подсознании, а затем изучать?

Эти правила, с одной стороны, лежат в основе процессов создания текстов, а с другой – обеспечивают понимание этих текстов. Заметим, что текстами считаются большие и малые словесные формы, обладающие смыслом. Видимо, одна из функций языка заключается в том, чтобы самым простым и удобным способом транслировать мысли и чувства человека другому человеку. Как же происходит передача мыслей и эмоций словами? Как создаются понятные тексты и как люди осознают то, что им сказано?

В настоящее время в психолингвистике изучается феномен гипертекстуальности, а также переход, овеществление «заглавных» мыслей в большие и малые тексты. Другими словами, в теории гипертекста описываются не только исходные процессы, обеспечивающие создание текста, но и приёмы приведения в порядок разрозненных мыслей для их трансляции лексико-грамматическими средствами.

По-видимому, пристальное внимание лингвистов к теории гипертекста объясняется тем, что в нём отражается языковое мышление человека и его национальное своеобразие.

Что же собой представляет гипертекст? Нетрудно представить наше языковое сознание как огромное хранилище, в котором находятся, в частности, память и умения использовать язык как средство мышления и передачи мыслей средствами языка. Гипертекст в языковом сознании снабжён переходами между его частями, что даёт человеку возможность входить в него в любом месте в зависимости от того, на какую область гипертекста направлен «луч» сознания. Прежде всего, в основе любого словесного произведения лежит претекст, ментальная программа передачи мыслей и эмоций словами. Претекст также выступает в роли стимула, побуждающего людей применять ментальные действия преобразования мыслей и чувств в слова. Одна из функций претекста – находить в языковом сознании и подсознании синтаксис и сведения, которые будут нужны для построения будущего текста. Претекст является своего рода систематизатором мыслей, который, с одной стороны, отбирает информативный материал из нейронной сети, а с другой – создаёт фундамент для возведения строительных лесов будущего текста.

Своеобразие языкового мышления, которое в наши дни обозначается термином «гипертекстуальность», было известно в литературоведении, но в языкознании его особенности были определены сравнительно недавно. Заметим, что в литературных произведениях издавна использовались приёмы гипертекстуальности. Со времён Средневековья роман является пространственным видом эпической литературы, изображает жизнь человека с её страстями (любовь, ревность, интриги, трагедия неразделённой любви) и пр.

В русской литературе XIX века освещались бесконечные превратности любви на фоне социальных перемен, войны. Претекстом, стимулом для создания бесчисленных литературных произведений можно считать сюжеты, то есть ряд событий, приводящий к счастливому или трагическому завершению жизненные пути персонажей, стереотипные положения в треугольнике (он, она и третий участник- соперник) и т. п. Нередко в этих романах описывались особые

психологические состояния героев, остающихся наедине со своими размышлениями, воспоминаниями и мечтами Этот литературный приём – когда герой романа погружался в тёмную область подсознания, где обитают фантазии, мечты, предвидения и пр. – получил название «поток сознания».

А. С. Пушкин лучше, чем кто-либо, написал о претексте, о творческом озарении, мыслях и чувствах. В стихотворении

«Осень» он удивительно достоверно передал движение поэтической мысли о природе, о наступающей зиме и затем переход от действительности к поэтическому образу и сравнил вдохновение с готовым к отплытию кораблём. А в каком направлении отправится парусник-мысль, зависит от будущего творческого озарения.

...
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.
...
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.
...
Плывёт. Куда ж нам плыть?[8]

Итак, кристаллизация смысла начинается с так называемого претекста, то есть предварительного замысла, который затем разворачивается в устный или письменный текст. Этот претекст-стимул многолик, роль претекста могут играть отдельные мысли, чувства, воспоминания, мелодия и т. п. В зоне претекста могут располагаться эскизный план будущего текста, мысленные наброски выступлений, статей или романов.

В речи политиков претекстом, судя по всему, служит также набор речевых средств воздействия на публику. В частности, в нём содержатся правила отбора и предъявления публике информации о тех или иных событиях в общественной жизни. Например, постправда как претекст будет представлена в текстах фактами, не имеющими ничего общего с истинным положением дел. К постправде можно также отнести, в частности, перенасыщение информации многочисленными фактами, которые отвлекают внимание публики от истинного положения дел во внутренней и внешней политике.

О речевых стратегиях и тактиках речевого воздействия

Выше шла речь о том, что в политдискурсе слова политиков не повисают в безвоздушном пространстве, они используются как орудие в политической борьбе за власть и влияние на умы публики.

Стратегия речевого поведения – это общий план речевых действий, который выстраивается в зависимости от того, с кем и зачем говорят, к кому обращён письменный или уст-

ный текст. Заметим, что стратегий немного, они обслуживаются различными тактиками, в этих тактиках заметное место занимают скрытые и явные средства воздействия на сферы сознания и подсознания читателей и собеседников. **Тактика** – это пошаговые умения, обслуживающие речевую стратегию. Тактики призваны решать конкретные пошаговые задачи общения.

Стратегия сотрудничества имеет альтруистическую доминанту и в политдискурсе применяется для убеждения визави в том, что разногласий в их политических взглядах практически нет, что решение спорных вопросов возможно совместными усилиями и т. п.

Стратегия сопротивления предназначена для противостояния словесному воздействию.

Стратегия доминирования широко представлена в речах политиков. Она направлена не только на слом эмоционального, интеллектуального и поведенческого сопротивления оппонентов – также она используется в целях манипуляции, управления мыслями, поведением и чувствами массовой аудитории. Известный всем мем-лозунг «Кто не с нами, тот против нас», ставший популярным в Советской России в первые годы после Октябрьской революции, может служить примером одной из тактик, включенных в репертуар стратегии доминирования. Эти слова носят устрашающий характер и угрожают всем тем, кто был против советской власти или оставался в стороне от политической борьбы. Первоисточником считаются слова Христа, переданные в Евангелии от Матфея: «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает». (Мф. 12:30).

Стратегию жёсткого доминирования обслуживают особые речевые тактики, они наполнены ссылками на авторитетное мнение, замалчиваниями противоположных мнений, очернением политических противников и т. п.

Защитные средства против нежелательного словесного воздействия

Чтобы начать говорить о защитных средствах против словесного воздействия, необходимо затронуть два понятия психолингвистики – *метасмысл* и *метанаблюдатель*.

Метанаблюдатель в лингвистике – это учёный-языковед, обладающий даром отстранения, рефлексии, то есть умениями посмотреть со стороны на то, как происходит речевое взаимодействие людей, как они понимают друг друга в процессе общения и как они осознают то, что не сказано прямо, а подразумевается, то есть метасмысл. Метасмысл обнаруживается в глубинах метафорических построений, в намёках и эвфемизмах, он также окружает семантическим «облаком» речевые события в коммуникативном пространстве.

Что имеется в виду, когда о способном ученике говорят: «У него светлая голова»? Без раздумий мы понимаем, что речь идёт об уме ученика, а не о цвете волос. Так, архетип цвета включает в себя идеи людей о свете. Феномену света приписывались положительные свойства, а затем этими свойствами наделялись другие явления в окружающем мире. Например: «ученье – свет, а неученье – тьма», «свет моих глаз», «светлые мысли, воспоминания».

В главе о метафоре и её глубинных смыслах будут обсуждаться архетипы, то есть первичные представления об окружающем мире и обществе.

Умение понимать метасмысл в потоке речи формируется в детском возрасте. Вспомним в этой связи многочисленные загадки, которыми взрослые развлекают детей. Кроме загадок, придуманы несурезицы для того, чтобы дети научились отличать вымысел от истинного состояния дел.

Например:

Ехала деревня мимо мужика, Вдруг из-под собаки лают ворота.
«Тпру!» – сказала лошадь, И мужик заржал.
Лошадь пошла в избу, А мужик стоял, Лошадь ела булки,

А мужик – овес. Лошадь села в сани, А мужик повез.

Дети учатся не только видеть правду и вымысел в словах, но и понимать несказанное, то, что подразумевается. На эту способность отыскивать смысл в текстах, которые, на первый взгляд, бессмысленны, обратил внимание Л. В. Щерба, придумав следующее предложение: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». Грамматически правильно оформленное предложение даёт возможность представить последовательность событий и выявить действующее лицо – некую куздру, которая что-то сделала с неким бокром и что-то делает с его детёнышем бокрёнком. Нетрудно предположить, что это событие произошло в мире животных с трагическими последствиями для меньшего бокра. Интерпретационные способности человека трудно переоценить, люди могут придать смысл, казалось бы, бессмысленным текстам. Даже известное предложение Н. Хомского «Бесцветные зеленые идеи спят яростно», которое он сочинил как образец бессмысленности, поддаётся интерпретации, если воспринимать его как развернутую метафору. Одно из толкований звучит так: речь идет о незрелых до поры до времени идеях, которые погружены в глубокий сон, однако вскоре они способны проснуться.

Что же нужно знать и уметь, чтобы понимать тексты, то есть мысли, переданные словами? Прежде всего, нужно понять смысл сказанных или написанных слов. Как уже говорилось, передача замысла-претекста словами может происходить двумя путями – так называемым прямым текстом или скрытно, завуалированно.

Если представить себе поток словесной информации в виде переплетённых между собой нитей, нередко спутанных, тогда слушателю или читателю приходится использовать слуховой или зрительный аппарат, свои аналитические языковые способности или рефлекссию, чтобы расплести эти смысловые нити и составлять из них понятный для себя рисунок. В этом потоке слушателю приходится иметь дело не только с лексико-грамматическим кодом, но и с кодом экстралингвистического (скрытого за словами) характера. Этот код поддаётся осмыслению, если люди понимают намерения друг друга, осознают словесные тактики и стратегии, умеют интерпретировать метасмысл, заключенный в метафорах, иронии, намёках, умолчаниях и других видах косвенной трансляции мыслей. В результате этих когнитивных операций смысл сказанных или написанных слов стабилизируется, теряется их неопределенность. Умение понимать метасмысл формируется по-разному. Например, закрепляется в долговременной памяти потому, что в повседневной жизни используется постоянно. Сказанное приводит к мысли, что в языковом сознании и подсознании находятся неписанные правила передачи мыслей и чувств словами и набор правил понимания сказанных или написанных текстов.

В нашей памяти сохранились крылатые слова и лозунги, например: «Голосуй, а то проиграешь»; «Наш дом – Газпром»; «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам»; «Коммунизм – это молодость мира»; «Перекуем мечи на орала»; «Народ и партия едины»; «Крым наш!» Для того чтобы пояснять и комментировать эти лозунги и мемы, смыслы, которые скрываются в глубине этих слов, понадобились бы страницы текста.

Итак, нетрудно предположить, что к высшим коммуникативным умениям можно отнести интеллектуальное мастерство людей опознавать и понимать метасмысл в политическом и повседневном дискурсе.

Естественно, не так просто выявлять и понимать то, что подразумевается, скрывается в словах, в частности в таких не прямых средствах вербализации мыслей, как метафоры, ирония, постправда, фейки. Дело осложняется тем, что пониманию метасмысла мешает так называемое клиповое языковое сознание.

О клиповости языкового сознания и подсознания

Ежедневное восприятие огромного количества информации, поступающей из различных средств массовой информации, привело к возникновению специфического типа мышления. Выражение «клиповое языковое сознание» происходит от английского to clip – нарезать, вырезать, стричь. Клиповое мышление порождает мысли, которые лишены рассудительности. Логическое мышление обслуживается сложными мыслительными операциями и, как правило, требует больше времени по сравнению с интуитивным пониманием текстового материала. На современного человека обрушивается огромное количество мозаичной информации и при ослабленном логическом мышлении люди переходят к упрощенному клиповому варианту переработки информации. Таким образом, люди привыкают верить на слово. Перенасыщение разнообразной, непроверенной информацией, ежедневное некритическое восприятие противоречивых мнений блогеров и политических деятелей также повлияли на появление и распространение феномена клиповости. Не случайно в английском языке появилось слово infobesity (от information + obesity – ожирение, переедание) для обозначения ежедневного потребления огромного количества разнообразной информации. В этой связи процитируем мнение известного политолога С. Михеева: «... У нас же очень много специалистов по всем вопросам. Огромное количество специалистов... Все они сидят в социальных сетях. Я вообще удивляюсь, как это у нас до сих пор есть вообще хоть какие-то проблемы в каких-то сферах жизни, потому что, если вот посмотреть социальные сети – у нас такое количество академиков всех наук одновременно и чемпионов всех видов спорта, что я даже удивляюсь, как они до сих пор ещё там со своим „умищем“ в этих социальных сетях умещаются» [9].

Как же защититься от воздействия вредоносной информации? Простых рецептов нет – как говорят в народе, «нужно включать голову». Другими словами, следует развивать и применять логическое мышление для критического анализа информации. Именно там находятся поисковые умения для нахождения ответов на следующие вопросы:

Кто пишет, говорит?

Что мы знаем об этом политическом деятеле, политическом движении, которое представляет общественный деятель, журналист, блогер?

Можно ли проверить факты, на которые опираются создатели этих текстов?

Кому выгодны наши поступки, которые нужны политикам?

Согласуются ли слова инициаторов речевого общения с нашими представлениями о правде или истине?

Итак, клиповость языкового сознания и подсознания создаёт просветы в мышлении, куда без труда проникают такие вредоносные виды информации, как вирусоподобные мемы, фейки, постправда и другие средства воздействия на общественное мнение. Приобретённые ментальные действия, предназначенные для понимания метасмысла в текстах, являются защитой против нежелательного воздействия скрытых средств воздействия на поведение, знания и эмоции людей, активно участвующих в политической повседневности.

Глава 2. Широкоформатные речевые средства воздействия в политическом дискурсе

Главная цель инициаторов политического дискурса – оказывать влияние на формирование массового и индивидуального сознания, воздействовать на понимание людьми текущих и прошлых событий с тем, чтобы они разделяли идеологию политиков. В глубинной лингвистике изучаются особенности создания текстов в политическом и повседневном дискурсе. В центре внимания политологов, например, находятся в первую очередь инструменты речевого воздействия на электорат, применяемые политиками, журналистами, представителями правящей элиты. Приёмов словесного воздействия большое количество, и все они входят в речевую стратегию доминирования.

Стратегию словесного доминирования обслуживают манипулятивные тактики, нередко подающие картину политических событий в искажённом виде. Ведущее место среди них отводится таким средствам непрямого воздействия, как метафоры, ирония, умолчания, эвфемизмы, информационные вбросы, приёмы постправдизма, фейки, мемы и др.

Очевидно, что современные политические устные и письменные тексты ориентированы не столько на трансляцию и «отражение» политической реальности, сколько на укоренение в сознании электората взглядов политиков на происходящие события. Искажение действительного положения дел, отражение событий в кривом зеркале – одно из любимых широкоформатных средств воздействия на взгляды людей на состояние экономики, политики целых стран. К широкоформатным словесным технологиям воздействия мы относим массово применяемые языковые средства, содержащие метасмысл. Как говорилось выше, метасмысл находится в глубинных структурах метафор, иронических речевых средствах, умолчаниях, эвфемизмах, фейках и мемах. Напомним, что метасмыслом является неявно выраженная, подразумеваемая информация, которая прячется в глубине перечисленных средств воздействия. Например, предвыборный лозунг партии «Справедливая Россия» «Они отбирают, а мы возвращаем» содержит метасмысл, который надо понять, то есть вывести в светлое поле сознания. Догадаться, что имеется в виду, несложно: видимо, речь идёт о возвращении народу материальных ценностей, присвоенных несправедливыми путями в годы крушения СССР. Отсюда следует, как говорилось выше, что к широкоформатным скрытым средствам речевого воздействия относятся самые популярные среди политиков и журналистов средства речевого воздействия на людей. Повторимся, это метафорические способы передачи мыслей, иронические высказывания, эвфемизмы, намёки и мн. др.

Метафоры как средство речевого воздействия на массовую аудиторию

Метафорика политического дискурса

Метафора широко применяется в речах политиков, журналистов, блогеров и т. п. Метафора относится, по нашему мнению, к широкоформатным средствам воздействия на массового адресата, так как, помимо эстетической функции, яркости и образности, она обладает большим потенциалом воздействия на эмоции, знания и поступки людей.

Что собой представляет метафора и метафорические словесные образования? Принято считать, что метафора предназначена для того, чтобы давно известными словами обозначить неизвестные ранее явления в обществе, в науке, а также создать свежие образы в поэзии и литературных произведениях. Словесный образ создаётся на основе отбора и рекомбинаций привычных значений, извлекаемых из прежних лексических значений слов. Естественно, новое семантическое образование включает в себя обозначение свойств новых реалий во внешнем и внутреннем мире человека.

Повторимся, термин «метафора» применим к любым видам употребления привычных слов в непрямом значении, если при этом они используются для называния недавно появившихся явлений и предметов внешнего мира, для пополнения наших представлений о психологии человека, о его языке.

Несмотря на то что метафоры состоят из обычных слов, они приобретают образный характер, обладают внутренней формой, где находится метасмысл. Именно поэтому метафора занимает самое видное место в поэтическом арсенале.

В современном политдискурсе политики сознательно или интуитивно усиливают метафорами воздействие своих речей. Метафоры в политдискурсе – это в первую очередь инструмент политического воздействия, широко применяющийся в средствах массовой информации.

Ещё сравнительно недавно, менее полувека назад, метафорой интересовались только литературоведы, поскольку полагали, что образные обороты речи создаются писателями и поэтами для того, чтобы повышать художественную выразительность прозы и поэзии. Особо привлекательными для изучения считались авторские метафоры, то есть метафоры, изобретённые мастерами пера. Ф. И. Тютчев пишет о весне:

Зима недаром злится,
Прошла её пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Перед нами так называемая соматическая метафора, устанавливающая ассоциации между телесными и эмоциональными свойствами человека и окружающим миром. Без слов понятно, что зима в реальном мире не злится, а весна не стучит в окно, чтобы обозначить свой приход, весна со двора не прогоняет со двора зиму и т. п.

Перемены в изучении метафор начались в середине прошлого столетия, появилась лингвистическая теория метафоры, рассматривающая метафорические построения как способность человека называть новые явления прежними словами. В новой номинации закреплялись старые и новые мысли о том, как выглядят ранее не известные предметы или явления и какими

новыми свойствами они обладают. Другими словами, в когнитивной лингвистике метафора считается средством осмысления природного мира и социума.

Видимо, способность метафоры проникать в языковое сознание и подсознание, не встречая логических преград в языковом сознании, кроется в её красочности, выразительности, эмоциональности. Другая причина таится в том, что в потоке слов у адресата нет времени улавливать метафорические глубинные смыслы, потому что для этого нужно задействовать разные по сложности мыслительные операции. Поясним сказанное, рассмотрев мыслительные действия, участвующие в понимании, казалось бы, простой метафоры «подхрюкивать».

Зоометафору «подхрюкивать» использовал президент России В. Путин в обращении к Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года, говоря о нарушениях договора США о ракетах средней и малой дальности. Этими словами он подчеркнул своё отношение к тем странам, которые полностью поддерживают эту опасную инициативу. Эта метафора проводит семантические параллели между человеком и животным миром. Если в нашей речи упоминаются звуки животных и птиц вокруг, то это простое подражание звукам: свиньи хрюкают, гуси гогочут, собаки лают, коровы мычат и т. п. Совсем другой, негативный смысл придаётся этим словам, если речь идёт о людях. Так, о громком смехе могут сказать, что человек гогочет, о невнятных словах скажут, что некто мычит. Метафора «подхрюкивать» находится в одном ряду с инвективами, обидными словами, такими как «грязная свинья», «свинское поведение», «насвинячить», то есть насорить, и т. д.

Добавим, образ свиньи в русском языковом сознании – символ нечистых побуждений, жадности, непорядочности, упрямства. Понятие «свинство» в русском менталитете лежит в основе метафоры «грязь», содержащей базовые представления об аморальных деяниях человека в семье и обществе. Следовательно, слова «поддерживать», «подыгрывать», «подпевать» наделены меньшей эмотивной силой воздействия по сравнению с зоометафорой «подхрюкивать».

Итак, метафоры не только усиливают эмоциональное воздействие на людей, но также маскируют намерения политиков. Конечно, всем людям, говорящим на русском языке, понятны обидные смысловые оттенки зоометафоры «подхрюкивать», но они же являются голололомом для иностранцев.

Известны слова М. Захаровой, сказанные по поводу понимания русских пословиц, которые также содержат метасмысл: «Интересно, как сейчас в Пентагоне переводят и анализируют слова Путина о том, что нужно или не нужно иметь в Сирии военную базу – это бабушка надвое сказала [смайлик]. Жалко ребят, не осилить им этого. Ну только если бабушку начнут искать» (Lenta.ru, 17.12.2019)

Комментарий. Смысл пословицы в том, что иностранным специалистам трудно судить о том, нужно России или нет открывать военную базу в Сирии.

Манипулятивный потенциал метафор

Выше шла речь о том, что в политическом дискурсе широкое распространение приобрели метафорические высказывания. Метафоры не только маскируют речевые намерения политиков, они также способны высвечивать нужные для политиков стороны событий и воздействовать на эмоции людей. Например, призыв встать с колен означает протест против рабства и подчинения угнетателям. Вспомним знаменитый лозунг (или мем) испанской революционерки Д. Ибаррури «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!».

Важно отметить, что в клиповом языковом сознании уровень сформированности умений, предназначенных для вдумчивого восприятия информации, оставляет желать лучшего. В потоке информации и под воздействием широкоформатных речевых средств многим не хва-

тает времени, но также и умений распознать смысл метафор, уяснить, зачем непрямыми средствами речевого воздействия были применены.

Подчеркнём, метафора представляет собой одно из главных средств реализации стратегии доминирования в текстах политического дискурса. Отличительными особенностями метафоры являются образность и метасмысл, находящиеся во «внутренней форме метафор». Эти особенные свойства метафор обеспечивают их силу и неуловимость речевого воздействия на людей.

Эмотивность метафор

Роль эмотивности, эмоционального воздействия при использовании метафор в политическом дискурсе трудно переоценить. Бесспорно, метафоры влияют на эмоциональную сферу сознания и подсознания человека. Все люди испытывают ненависть, страх, любовь, привязанность, отрицают или поддерживают те или иные идеи, поэтому речевые средства воздействия используются для того, чтобы вызвать у людей положительные или отрицательные эмоции относительно политических событий или участников политической борьбы. Например, в процессе проведения дебатов оппоненты нередко пользуются словесным арсеналом, состоящим из эмоциональных нападок и обвинений. Так поступали американские СМИ, которые в период предвыборной гонки брали интервью у многочисленных женщин, якобы ставших жертвами сексуальных домогательств со стороны основного претендента на пост президента США от республиканцев в 2016 году Д. Трампа. Ложный информационный шум, выраженный в перенасыщении СМИ информационными вбросами, получил название *infobesity*, то есть ожирение, избыток веса. Как правило, пресса, перенасыщенная ложью, делает своё чёрное дело.

В свою очередь Д. Трамп охарактеризовал своего прямого оппонента, демократа Х. Клинтон как «лгунью мирового масштаба», а Х. Клинтон, обвинила президента США в подстрекательстве к насилию, к штурму Капитолия: «Мы оказались неспособны рассчитать ущерб, который могут нанести нации подстрекатель к насилию президент, нагнетающие страсти лидеры Конгресса и социальные сети, закачивающие теории заговора в умы сторонников Трампа» [10]. Заметим, что слово «подстрекать» несёт значительную эмоциональную нагрузку. В словаре С. И. Ожегова читаем, что подстрекать значит «побудить к чему-нибудь плохому, неблагоприятному», Х. Клинтон обвиняет президента в аморальном поступке и создаёт образ бесчестного негодяя. Метафора «закачивать» несёт в себе отрицательный эмоциональный заряд, имеется в виду, что умы сторонников Д. Трампа переполнены подозрениями в адрес демократов, победивших на выборах президента в 2020 г. Республиканские политические деятели «нагнетали страсти», то есть усиливали ненависть к оппонентам Д. Трампа.

Таким образом, метафора в своей семантической глубине содержит образность и воздействует на эмоции участников политдискурса, метафоры могут вызвать такие сильные эмоции, как презрение и даже ненависть.

Заметим, что метафоры не только передают эмоции инициаторов речевого воздействия, они могут скрывать свои эмоции под маской метафор. Так, протест сторонников Д. Трампа, их спонтанная атака на Капитолий в 2021 году трактовались конгрессменами Демократической партии США как террористический акт, как попытка государственного переворота, бунт, а действующего президента США обвиняли в призывах к государственному перевороту. Для одних политиков это был повод избавиться от оппонента с помощью дальнейших политических действий, для других – под требованиями сурово наказать бунтовщиков и начать процедуру импичмента скрывался страх политиков, переживших стрессовую ситуацию. Как известно, психологическое состояние называется постстрессовым синдромом, типичной реакцией нервной системы на возможное насилие. Захват Капитолия, афроамериканские протесты (BLM), начало процедуры импичмента Д. Трампу, уходящему с поста президента, – все эти события получили в прессе название «театра абсурда». Эта метафора определяет все нелепые действия политиков или труднообъяснимые общественные события.

Осознание, интерпретация метафор

В основе лингвистического когнитивного подхода [11] к исследованию метафоры лежит понятие архетипа (первообраза). Известно, что в глубинной структуре метафор скрываются концептуальные универсалии, хранящиеся в языковом сознании и подсознании. Упрощая, заметим, что все люди представляют, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Морально-этические заповеди уложены в языковом сознании и подсознании. Все русскоговорящие с детства не задумываясь понимают метафоры «Жизнь прожить не поле перейти», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Встречают по одежке, провожают по уму», «С ложью весь мир пройдешь, да назад не воротишься», «Старый друг лучше новых двух», «Не в деньгах счастье» и другие. Иносказательно, ненавязчиво метафорические пословицы воспитывают детей, передавая им представления о ценностях в человеческой жизни. Как правило, концепты усваиваются без участия логики, как само собой разумеющееся, то есть дети принимают эти слова на веру, не требуя доказательств. Эта слепая вера сыграет потом злую шутку во взрослой жизни: многие меткие слова политиков принимаются взрослыми людьми без обдумывания. В свою очередь, метафора, благодаря своей необычности и образности, становится эффективным оружием в политической борьбе.

В языковом сознании и подсознании человека оседают архетипы, основные концепты, идеи об окружающем мире и обществе, а также моральные ориентиры, позволяющие различать правду и ложь, отличать плохие поступки от хороших и т. п. Как известно, архетип – это прототип, первообраз, образец. Многие метафоры опираются на самые первые представления о животном мире, о строении человеческого тела, о родственных связях, о пространстве и времени. Например, зооморфные метафоры в основе своей семантической структуры содержат представления людей о повадках и внешнем виде зверей и животных.

«Строительные леса» метафоры и ментальные действия её узнавания и понимания.

Суть этих ментальных действий состоит в том, чтобы вначале увидеть скрытые смыслы под оболочкой метафоры, понять её «строительные леса», а затем осознать её функции в коммуникативном пространстве.

В повседневном общении никто не задумывается над скрытым смыслом сказанных слов, на это в потоке быстротекущих коммуникативных событий нет времени. Понимание прочитанных или услышанных текстов происходит с завидной скоростью и без особых затруднений (имеются в виду стандартизированные тексты, не усложненные незнакомой научной или философской проблематикой). Понимание затрудняется, приостанавливается, когда слушающий сталкивается, например, со словами, не имеющими привычных значений. Нечто подобное происходит с людьми, впервые услышавшими свежую метафору в политдискурсе.

Первая стадия интерпретации. Строение внутренней формы метафоры

Процесс понимания метафоры начинается с поисков общей мысли высказывания. Воспринимая звучащую речь, слушающий одновременно старается понять смысл малых и больших речевых произведений, проясняет для себя значение слов, устанавливает семантические и синтаксические связи между ними, в результате останавливается на наиболее верном, с его точки зрения, варианте. При этом он опирается на историю вопроса, то есть находит ответы на вопросы, кто говорит и зачем, употреблены ли слова в прямом или переносном смысле, согласуется ли сообщение с тем, что ему известно о предмете разговора, или нет.

Видимо, нечто подобное происходит в сознании и подсознании людей, когда они слышат метафорическое высказывание. Поэтому первым шагом навстречу пониманию метафоры является ощущение смысловой неоднозначности и необычности. Таким образом, алогичность

услышанной метафоры является стимулом для декодирования смысла сказанных слов. Затем следует передача смысла услышанных метафор обычными, лишёнными двусмысленности словами. Этот перевод метафор прямым текстом называется парафразированием.

Его суть в том, что смысл метафоры передаётся другими словами, а непрямой, косвенный смысл проясняется и выпрямляется. Например, метафоры «душить санкциями» и «перекрывать кислород» синонимичны. Смысл этих метафор можно передать другими словами. В словарях слово «душить» объясняется так: пытаться остановить дыхание, убить. Когда употребляют эту метафору в политдискурсе, то имеют в виду действия, меры воздействия, применяемые для того, чтобы нанести ущерб экономике враждебного государства.

Метафоры рассматриваются как образные структуры, в которые входят скрытые значения, от них тянутся смысловые нити к различным архетипам, к тем областям языкового мышления, где скрыты представления человека о внешнем мире, о себе и своем языке. Анализ исходного лексико-семантического материала, благодаря которому строится метафорический образ, позволяет когнитологам заглянуть в интеллектуальную мастерскую человека, где производятся новые слова и значения.

Итак, можно прийти к выводу, что в процессе построения метафоры применяются некие фильтры, которые отсеивают одни признаки и значения исходного слова-донора, а затем отбирают другие, пригодные для строительства метафоры. В результате этих когнитивных процедур появляется новый образ или новое название для нового явления. Для того чтобы создать новый образ, назвать с помощью старых средств новое в окружающем мире, сознательно или интуитивно говорящий, опираясь на известные семантические признаки исходного слова или выражения, просеивает их для того, чтобы из нужного семантического материала создать метафору. Отсюда следует, что приёмы перекомпоновки исходного языкового материала открывают обратную перспективу: если мы знаем, какими признаками слово-донор одарило метафору, то можем, производя операции «распаковки» метафоры, понять, как устроена метафора, и установить её связи с базовыми смыслами.

Повторимся, метафоры состоят из обычных слов и выражений, но они устроены так, что обычные слова звучат образно, поскольку для метафоры отбираются те семантические признаки исходных слов, которые нужны для номинации, освоения новых реалий окружающего мира. Образность не прячет действительность, а подаёт её в новом освещении. Все метафоры восходят или прикреплены к известным фактам, явлениям или событиям в окружающем мире и к среде языка.

Сказанное позволяет утверждать, что в основе понимания метафор и других иносказаний лежат представления человека об окружающем мире.

Рассмотрим выражение «завинчивать гайки». Это выражение используется для обозначения ужесточения каких-либо мер, дисциплины, режима, требований. Эта метафора относится к соматическому, телесному типу метафор, а также к «техническому» типу и восходит к метафорической модели «государство как машина, механизм». Понятие «завинчивать» связано с вращательными движениями ключа, который закрепляет деталь в нужном положении. Переноса это понятие из мира механики в сферу общественных отношений, журналисты показывают усилия правящей элиты ужесточить правила, например остановить протестное движение. Жизнь государства понимается как работа механизма, в состав которого входит огромное число деталей, выполняющих свои функции, и если «гайки завинчиваются», то и работа механизма и его «разболтанной» конструкции становится более слаженной и чёткой.

Вторая стадия интерпретации метафор

Это выяснение «поведения» метафор в коммуникативном пространстве. При этом когнитивные процедуры носят универсальный характер. Цель конечных интерпретационных операций с метафорами состоит в том, чтобы выявить их коммуникативную готовность, то

есть возможные варианты их применения в дискурсе. Надо заметить, этот подход позволяет анализировать каждый конкретный коммуникативный эпизод. При этом наблюдателю предстоит ответить на вопросы, с какой целью используются метафоры, что они значат, как они воздействуют на поведение, настроение и информационное поле сознания людей.

Итак, интерпретационные практики, предназначенные для понимания природы метафор, подразделяются на специфические операции для распаковки внутренних смыслов и на универсальные операции, выясняющие обстоятельства общения, коммуникативные цели использования метафор, их влияние на собеседников. Особенностью когнитивных операций с метафорами является анализ архетипов, являющихся своеобразным первоначальным фундаментом для построения бесконечно новых образов психологического и материального мира. В когнитивистике исследуются интеллектуальные операции с языковым материалом, целью которых является построение метафоры. Этот подход позволяет рассматривать метафору как один из главных инструментов постижения вещного, предметного мира, социума и психологии человека.

Классификация метафор

В настоящее время нет статистических количественных данных о частотности использования того или иного вида метафор. В политическом дискурсе мы насчитываем не менее двадцати подгрупп метафор. Мы отобрали основные типы метафор, которые, на наш взгляд, особенно популярны в политическом дискурсе, и расположили их по мере частотности: от самых популярных к менее популярным.

Зооморфные метафоры.

Зооморфные метафоры используются, как правило, для иносказательного показа оппонентов в неприглядном свете. Приведём пример зооморфной метафоры из блогосферы: «Ну а пока в интернете идёт мышиная возня, Путин продолжает укреплять позиции России на международной арене» («Эхо Москвы», блог Кристины Потупчик, 12.09.2016).

Комментарий. Зооморфная метафора «мышиная возня» означает мелкие интриги, недостойные дела, которые дискредитируют оппонентов. Имеется в виду, что совершаемые действия и поступки оцениваются говорящим как нечистоплотные и неблагоприятные или как мелкие хлопоты. Блогер критикует оппозицию, развернувшую информационную кампанию в интернете против России. Оценочная метафора «мышиная возня» соотносится с представлениями «свой – чужой». Добавим, во фразеологическом словаре понятие «мышиная возня» содержит пометку «говорится с неодобрением».

Приведём другой пример зооморфной метафоры: «Захарова назвала отношения США с Европой диалогом волков с волками» (ТАСС, 11.09.2019).

Комментарий. Когда в русском языковом сознании человек уподобляется волку, то имеются в виду люди с неприятным, тяжелым характером. В цитате можно заметить аналогию с сентенцией «человек человеку волк», которая определяет отношения между людьми в мире, где господствует вражда и антагонизм[12].

Приведём ещё один пример зооморфной метафоры: «Кто имеет наиболее „мохнатую“ руку, тот и получает больше средств» (интернет-портал «Бизнес-онлайн», 12.09.2020).

Комментарий. Мохнатая (медвежья) лапа (рука) является зооморфной метафорой, внешний вид медведя приписывается человеку. «Мохнатой рукой» называют сильного авторитарного руководителя предприятия или командира, а также влиятельного покровителя, обладающего властью и возможностями решать деловые и бытовые проблемы[13].

Приведём ещё примеры:

Обстоятельства общения. С. Лавров о депутате Верховной рады, сорвавшем флаг с посольства России в Киеве: «Это сделал, по-моему, один из депутатов Верховной рады с какой-то говорящей фамилией. Какой-то Панасюк, то ли Поросюк – я не помню» («Рамблер», 2017).

Комментарий. В этом примере мы сталкиваемся с зооморфной метафорой. Мы уже говорили об образе свиньи в языковом сознании русского человека. Здесь, помимо дискредитации, так же явна насмешка, ведь поросенок – это несерьезный оппонент. Несмотря на то что было совершено уголовно наказуемое преступление, классифицируемое как надругательство над флагом, С. Лавров одновременно и осуждает и высмеивает оппонента: напоросячить, или напортачить, – значит не только что-то сделать грязным, но также совершить ошибку, попасть в неловкую, смешную, нелепую ситуацию.

Рассмотрим зооморфную метафору, которая несет положительную коннотацию.

Обстоятельства общения. В. Путин о присоединении к России Крыма на заседании клуба «Валдай» (Сочи, 2014): «Вообще, он [медведь] считается у нас хозяином тайги, и он не собирается – и я знаю это точно – куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст. Я думаю, что это должно быть понятно» (НТВ, 24.10.2014).

Комментарий. В этом примере медведь – положительный образ. Медведь в русском понимании – хозяин места своего обитания. Иносказательно В. Путин сравнил медведя с русским народом и высказал мнение о естественном возвращении полуострова Крым в состав России.

Блогосфера также полна примеров использования средств воздействия на целевую аудиторию. Приведём пример из постов блогера: «Барановирус головного мозга и умышленное уничтожение собственной экономики!» (телеграм-канал «Саня во Флориде», 01.01.2021).

Комментарий. В лексиконе политического дискурса встречается вместо «коронавирус» номинация «бараний вирус». Её используют «противники» вируса, не верящие в его существование, или те люди, которые считают, что с помощью СМИ и различных политических действий посредством распространения информации о вирусе происходит воздействие на массового адресата с той или иной целью. Слова «бараний вирус» также намекают на то, что информация о вирусе рассчитана на толпу, уничижительно сравниваемую с ведомым стадом баранов, которое не способно на аналитику и фильтрацию поступающей информации, а также склонно к панике.

Приведём ещё один пример зооморфной метафоры:

Обстоятельства общения. Официальный представитель МИД РФ М. Захарова прокомментировала в своем телеграм-канале предложение Еврокомиссии гражданам повторно использовать воду городских очистных сооружений для борьбы с засухой: «Если люди не могут

понять, в каком из 80 гендеров они сейчас пребывают, то им и вода из копытца в самый раз – уже стали» (Lenta.ru, 11.08.2022).

Комментарий. В этом высказывании обыгрываются слова с высказыванием из известной русской сказки: «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!» – так говорила Аленушка своему младшему брату, когда они вместе возвращались домой с полевых работ и её брат захотел напиться воды из лужи. Иванушка не послушал сестру, выпил воды из козьего копытца и превратился в козленочка. М. Захарова высмеивает не только гендерную политику стран Запада. Известно, что в русском неформальном общении врагов или нарушителей общепринятых норм поведения называют козлами, им также приписывается глупость и упрямство. Гендерное многообразие ведёт к утрате традиционных ценностей общества. Глупо, как считает М. Захарова, применять санкции против России, если они приводят к нехватке нефтяных продуктов, которые поставяет Россия. Как известно, поставки российской нефти резко сократились.

Соматические, телесные метафоры

Это метафоры, построенные по аналогии с человеческим телом и эмоциональными состояниями человека. Эти метафоры оказывают немалое эмоциональное воздействие на целевую аудиторию в политическом дискурсе.

Приведём пример соматической метафоры из речи министра иностранных дел РФ С. Лаврова.

Обстоятельства общения. С. Лавров отвечает на вопрос о желании стран Запада изолировать Россию: «Сейчас такая ситуация в мире, в эпоху глобализации, в эпоху взаимозависимости, что если будут опускать железный занавес, то ненароком могут себе чего-нибудь прищемить» (ТАСС, 19.11.2015).

Комментарий. В этом примере мы видим соматическую метафору. Прищемляют обычно, например, палец в результате неловкого движения. Министр иносказательно говорит о недалёковидности оппонентов, о том, что, даже если и введут такие ограничения, Запад от этого не выиграет, а пострадает. Эта метафора перекликается с известной идиомой «Назло бабушке уши отморожу, но шапку не надену».

Приведём другой пример соматической метафоры.

Обстоятельства общения. Кандидат в президенты США от демократической партии в 2020 году Дж. Байден выступил с предвыборной агитационной речью: «Я добивался этого поста, чтобы исцелить душу Америки» (журнал Esquire, 08.11.2020).

Комментарий. В метафоре «исцеление души Америки» проводится аналогия с больным человеком. Кроме того, присутствие души – одна из главных особенностей человека, а в данном контексте – не одного человека, а народа, нации. Эта предвыборная речь имеет цель объединить электорат, вселить в него надежды на светлое будущее.

Приведём ещё один пример соматической метафоры.

Обстоятельства общения. Депутат Госдумы от Новосибирской и Томской областей В. Ганзя, представляющая КПРФ, поздравила белорусов с победой А. Лукашенко на президентских выборах 2020 года: «Люди поддержали проводимый в стране курс на сохранение традиций справедливого социального государства. Не боятся там и графы „против всех“. Народ сломал хребет так называемым либеральным ценностям. Рада за белорусов» («Рамблер», 11.08.2020).

Комментарий. Перед нами соматическая, телесная метафора. «Сломать хребет так называемым либеральным ценностям» значит победить, уничтожить врага. К некоторым либеральным «ультраправым» ценностям в традиционном обществе относятся отрицательно, к ним можно отнести «западные ценности»: к либералам причисляются сторонники абортов, гомосексуальных браков. Либералы известны как борцы с «дискриминацией», под которую подпадает любая форма несогласия с их идеологией.

Приведём ещё один пример соматической метафоры.

Обстоятельства общения. Мы рассматриваем отрывки выступления политолога, члена политсовета «За правду» С. Михеева телепрограмме «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» от 8 декабря 2020 года: «Я считаю, что Советский Союз своими руководителями и советской элитой был доведен до самоубийства, хотя мог бы жить... Убить и изменить или убить и вылечить не одно и то же. В случае Советского Союза он был именно убит и доведен до самоубийства. Это не было способом лечения. Таким же способом головную боль можно лечить отрубанием головы. Голова уже не болит, но и головы больше нет...» (citatki.ru, 08.12.2020).

Комментарий. В этой развернутой метафоре государство предстает в образе живого организма: страну можно довести до самоубийства, лечить, убить, отрубить ей голову. Эта метафора используется для того, чтобы объяснить целевой аудитории события новейшей истории, переложить на более простой язык политические процессы и их последствия для страны.

Природные метафоры.

Природные метафоры тоже часто употребляются в дискурсе, в том числе политическом.

Обсудим природную метафору в контексте новостного заголовка: «В Москве опять рекорд по новым случаям COVID: на 50 % больше, чем накануне... Началась „вторая волна“» (Newsru.com, 24.09.2020).

Комментарий. Значение метафоры «вторая волна» покоится на архетипе, то есть представлениях человека о свойствах волн. При осуществлении семантического переноса берётся главное значение слова – «огромное количество воды», а также её «беспокойное» состояние, то есть волнение. Нередко метафору волнения используют в таком контексте: «я волнуюсь на экзаменах», «потерять голос от волнения». Считается, что вторая, третья морская волна должна быть выше, сильнее предыдущей. В этой связи вспомним понятие «девятый вал», воспетый художниками и поэтами. Девятый вал – самая высокая, а потому и самая опасная для кораблей волна во время шторма, несущая огромную разрушительную силу. Таким образом, вторая волна заболеваемости вирусом обозначает возросшее количество заболевших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.